

Идея Аллы Зейде

Литературная и корректорская правка **Марии Новак**

Дизайн журнала **Рашита Сафиуллина**

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): ai@bancorp.ru

С. В. Глебов (США и Канада): glebov@rci.rutgers.edu

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): ai@bancorp.ru

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): hphsem95@phd.ceu.hu

Почтовый адрес редакции:

Ab Imperio

420015 г. Казань

А/Я 157

Электронная страница журнала <http://aimag.knet.ru>

Web-master **Тимур Лайков**

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

The journal is published four times a year.

The initial idea of **Alla Zeide**

Style editing and proof-reading by **Mariia Novak**

Design by **Rashit Safiullin**

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): ai@bancorp.ru

Serguei Glebov (USA and Canada): glebov@rci.rutgers.edu

Dr. Alexander Kaplunovskii (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): ai@bancorp.ru

Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): hphsem95@phd.ceu.hu

Postal address:

Ab Imperio

P.O. Box 157, Kazan 420015

Russia

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://aimag.knet.ru>

Web-master **Timur Laikov**

For subscription, please contact editors or our authorized distributor:

Kubon & Sagner Buchexport-Import, 80328 Muenchen, Germany

Phone: ++49 89 54 218 130; Telefax: ++49 89 54 218 218

e-mail: postmaster@kubon-sagner.de; web: <http://www.kubon-sagner.de>

AB IMPERIO

Theory and History of Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Realm

Редакция Editors

Илья В. ГЕРАСИМОВ Ilya V. GERASIMOV

Сергей В. ГЛЕБОВ Serguei V. GLEBOV

Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ Alexander P. KAPLUNOVSKI

Марина Б. МОГИЛЬНЕР Marina B. MOGILNER

Александр М. СЕМЕНОВ Alexander M. SEMYONOV

Редакционный Совет Editorial Board

Seymour BECKER (Rutgers University, USA)

Rogers BRUBAKER (UCLA, USA)

Mark von HAGEN (Columbia University, USA)

Geoffrey HOSKING (University of London, UK)

Miroslav HROCH (Charles University, Czech Republic)

Jaroslav HRYTSAK (Lviv University, Ukraine; CEU, Hungary)

Rafail GANELIN (Institute of Russian History, Russian Academy of Science,
St. Petersburg Branch)

Peter GATRELL (University of Manchester, UK)

Iskander GILIAZOV (Kazan State University, Russia)

Rashid KAPLANOV (Jewish University in Moscow; Moscow State University)

Andreas KAPPELER (University of Vienna, Austria)

Maria KOVACS (CEU, Hungary)

Dieter LANGEWIESCHE (Tübingen University, Germany)

Kimitaka MATSUZATO (Hokkaido University, Japan)

Alfred RIEBER (CEU, Hungary)

Yuri SLEZKINE (University of California at Berkeley, USA)

Ronald SUNY (University of Chicago, USA)

1-2/2001

как Третьем Риме (или как универсальной теократической империи) в трилогии "Христос и Антихрист" (1895), "Воскресшие боги: Леонардо да Винчи" (1900) и "Антихрист: Петр и Алексей" (1904). Доктрина Третьего Рима в данном случае выступает как средство мифотворчества, которое Мережковский и его современники использовали для формирования новых представлений о национальном лице России.

Калб Дж. "Третий Рим Мережковского: миф и реальность". В кн. "Мережковский: миф и реальность". М.: "Восток-Запад", 1999. С. 100-110.

Статья Дж. Калб "Третий Рим Мережковского: миф и реальность" посвящена анализу мифа о Третьем Риме, который был создан Мережковским в его трилогии "Христос и Антихрист", "Воскресшие боги: Леонардо да Винчи" и "Антихрист: Петр и Алексей". Автор рассуждает о том, как этот миф был использован Мережковским и его современниками для формирования новых представлений о национальном лице России.

Фритьоф Беньямин ШЕНК

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МИФ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (1263-1998)¹

I.

К пятидесятилетию Победы над фашистской Германией в мае 1995 г. российский президент Борис Ельцин подарил Государственному музею Великой отечественной войны в Москве копию большого меча Александра Невского. Тем самым президент дал понять, что правительство постсоветской России желает продолжить символическую политику СССР и его предшественницы – царской России. Александр Невский, князь, герой и полководец XIII в., пользовался большим признанием как у российских царей, так и у вождей коммунистической партии. Подарок Ельцина явил собой акт символической политики, нацеленной на то, чтобы через обращение к сохранившимся символам и мифам собственной истории пропагандировать новую концепцию коллективной российской идентичности. Символическая политика Ельцина должна была заполнить идеологическую нишу подвергнувшегося эрозии советского патриотизма. Таким образом, для Александра Невского,

¹ Перевод статьи А. Каплуновского.

как исторического героя, нашлось место и в символическом репертуаре российской государственности 1990-х годов.

Миф Александра Невского имеет такое же значение для исторического и национального сознания России, как миф Жанны д'Арк — для Франции. Исторический Александр Ярославич Невский жил в 1220-1263 гг., был Новгородским князем и великим князем Владимирским.² Он правил в период так называемой Удельной Руси, когда блеск старой Киевской Руси заметно поблек, а боровшиеся за ее наследство удельные княжества были разорены восточными кочевниками и включены в мировую империю Монголов. Подвиги Александра стали знаками надежды и гордости в то драматическое для русской культурной памяти время. В 1240 и 1242 гг. Александр, во главе новгородского ополчения, отразил нападения шведов и Тевтонского ордена и оградил свое княжество от притязаний католических государств. Отклонив предложенный папой союз против монголов, Великий князь Александр преследовал четко выраженную провосточную политику, которая строилась на кооперации и компромиссе с золотоордынскими властителями. Александр умер 14 ноября 1263 г. С этого момента начинается история восприятия его личности, которую я бы хотел коротко представить на следующих страницах.³

² Историческая литература об Александре Невском чрезвычайно обширна и потому едва ли обозрима в рамках данной статьи. В особенности в более ранних исследованиях зачастую трудно провести границу между мифологизирующими и “научными” подходами. О состоянии научной дискуссии можно судить по следующим работам: Ю.К. Бегунов и А.Н. Кирпичников (изд.). Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. Санкт-Петербург, 1995; Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгород, 1996. Новейшие научные исследования по личности князя: В. А. Кучкин. Александр Невский. Государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная История. 1996, № 5. С.18-33; он же. Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. Москва, 1999. С.130-137 и В. Л. Егоров. Александр Невский и чингизиды // Отечественная История. 1997, № 2. С.48-58. Непосредственно причины мифологизации Невского разобраны в: И. Н. Данилевский. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). Москва, 2001. С. 181-206 (Глава “Александр Невский: Русь и Орден”); С. 207-228 (Глава “Александр Невский: Русь и Орда”).

³ В историографии отсутствуют обобщающие обзоры более чем 700-летней истории рецепции личности Александра Невского. Важнейшие предварительные работы были написаны Ю. К. Бегуновым — см. напр. Александр Невский: Человек и миф // Наука и религия. 1970, №5. С. 52-57; он же. Житие Александра Невского в русской литературе XIII-XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха. С.

II.

С тех пор как нации стали все больше рассматриваться не как “естественные” формы сосуществования, а скорее как продукты процессов коммуникации,⁴ в историографии национализма можно наблюдать постоянный рост интереса к конструкциям национальной идентичности и, в особенности, к национальным образам и национальной исторической памяти. Исходным пунктом многих исследований в этой области является идея о том, что представление или конструкция некоего “собственного” прошлого имеет конституирующее значение для возникновения национальной идентичности. Тем не менее, закливание совместного прошлого не является спецификой национальных образований. Очевидно, что оно относится к существенным элементам процессов “мы-групп” вообще, вне зависимости от того, идет ли речь о религиозном сообществе, социальном классе, политической партии или нации.⁵

В исследовании коллективных образов истории и коллективных идентичностей важную роль играет анализ национальных мифов.⁶ Большинство национальных мифов, в частности, миф Александра Невского, относится к сфере политической мифологии. Моя трактовка политического мифа основана на весьма убедительной концепции Анд-

163-171; он же. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971, №16. S.88-109; он же. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). 1961, № 17. С.348-357. См. также: А. И. Рогов. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // “Drang nach Osten” и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Москва, 1967. С. 32-58. Фундаментальная работа по истории иконографии Александра Невского была написана И.А. Шляпкиным: Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т.11. Пг., 1915. С.82-102.

⁴ См. напр.: Benedict Anderson. Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism. London, 1990.

⁵ К проблеме “мы-групповых” процессов см.: Georg Elwert. Nationalismus und Ethnizität. Über Bildung von Wir-Gruppen // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989, № 41. S.440-464.

⁶ Обзор многочисленных работ: Pierre Nora (изд.). Les lieux de mémoire. Paris, 1984-1994; Hagen Schulze. Etienne François (Hg.). Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1. München, 2001; Monika Flacke (Hg.) Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama. Berlin, 1998.

рзаса Дёрнэра (Andreas Dörner), разработанной им в исследовании о немецком мифе Германа (*Hermann-Mythos*).⁷

Дёрнэр понимает под политическим мифом “специфическую семиотическую категорию..., которая специализируется на переработке определенных проблем политической коммуникации. Политические мифы являются нарративными символическими образованиями с неким потенциалом коллективного воздействия на основополагающие проблемы организации социальных объединений.”⁸ Политические мифы суть опосредованно передаваемые нарративные виньетки, символическое значение которых подвержено историческому развитию и изменению. Внутри коллектива они могут превратиться в объекты борьбы за право “ведать добро и зло”, и нередко служат инструментами достижения конкретных политических целей.

Мифотворчество, как считает Дёрнэр, начинается в тот момент, когда люди “усматривают в каком-либо событии или личности потенциальную символическую величину, с помощью которой они пытаются передать свое видение реальности.”⁹ При этом, если мифотворчество стремится к успеху, оно должно быть “сопряжено с принятыми в обществе семантическими традициями и структурами образов...”¹⁰

В качестве важнейшей функции политического мифа, наряду с другими (достижением смысла, редукцией комплексности и передачей легитимности), Дёрнэр видит создание идентичности: “Мифы являются... средством коллективной авторефлексии и, следовательно, средством конструирования идентичности. Миф позволяет всем участвующим в коммуникации индивидуумам воспринимать сложную конструкцию своего родного социального объединения как дееспособную, наполненную смыслом и одновременно исторически ‘мыслимую единицу’.”¹¹ В мифе, с одной стороны, превозносятся все те качества и ценности, которые “мы-группа” считает характерными для себя или желает видеть их таковыми, а с другой – называются все те качества, от которых хотят отгородиться. Мифы в равной степени несут в себе от-

печатки и внутренних, и внешних представлений. Они формулируют социальную эксклюзивность и восприимчивость.

История мифа Александра Невского в России демонстрирует, какую роль играют политические мифы в процессах возникновения, сохранения и изменения коллективной идентичности. С момента своей смерти Александр Невский занял прочное место в русской культурной памяти. В течение более чем семисот лет, за исключением короткой фазы в начале XX в., он был позитивным символом социальной интеграции. При этом на протяжении столетий образ Александра Невского претерпевал существенные изменения,¹² соответствовавшие трансформациям тех дискурсов коллективной идентичности, в которые в свое время был интегрирован нарратив о святом и героическом князе. Поскольку политический миф как таковой образует центральный элемент дискурса “своего-чужого”, то изменение мифа указывает на изменение самохарактеристики “мы-группы”, которая видела в нем свою репрезентацию. “Мы-группы”, частью коллективной идентичности которых на протяжении многих столетий был миф Александра Невского, имеют чрезвычайно разное происхождение. Здесь можно назвать и монастырские общины, и княжества, и церковь (религиозное сообщество), а на более поздних этапах – объединение подданных империи и нацию.

Наблюдения за многовековой трансформацией мифа Александра Невского убеждают в принципиальной важности того, как, рассказывая эту историю, современники отвечали на один и тот же вопрос: “Кто мы и кто они?” Иными словами, какие ценности, нормы и качества представлял Александр Невский для группы, репрезентируемой через его фигуру? Какие образы врага в мифе служили социальной восприимчивости и эксклюзивности?

Само собой разумеется, что трансформация мифа Александра Невского может быть представлена в статье только в виде самого общего наброска. Детальное изучение всех фаз рецепции фигуры Александра Невского в российском обществе – задача будущего.

III.

Решающими для формирования культа Александра Невского были те группы или институты, которые распоряжались “памятью” о нем. С XIII и по XVIII вв. включительно к таковым принадлежало, в первую

⁷ Andreas Dörner. Politischer Mythos und symbolische Politik Der Hermann-Mythos: Zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. Hamburg, 1996. (В особенности S.42-62.). В задачи моей статьи не входит анализ различных концепций “политического мифа”. Концепция Дёрнэра лишь одна из многих и используется мной в первую очередь для разработки понятийного аппарата.

⁸ Там же. С.43.

⁹ Там же. С.48.

¹⁰ Там же. С.61.

¹¹ Там же. С.59.

¹² “Образ” подразумевает, в первую очередь, не изображение на холсте, а весь комплекс информации, передаваемый как в текстах, так и в картинах, и создающий у той или иной личности представление об Александре Невском.

очередь, православное духовенство. Уже вскоре после своей смерти Александр был прославлен как святой на месте его погребения во Владимире. По представлениям православной церкви, в качестве святых почитаются люди, в жизни и деятельности которых особым образом проявилась Божья благодать. Так же, как слово Божье проявилось в Христе, Святой Дух, как третья Ипостась, предстает в "обоженственной личности".¹³ Святые, следовательно, являются живым подтверждением присутствия Бога на земле. Монастырь, в котором погребен святой, становится святым местом. Церковь, почитающая какого-либо святого, наполняется через него Божьей благодатью. Таким образом, часть приписываемой личности святости распространяется на почитающее ее сообщество. Соответственно, если в нашем случае задаться вопросом, почему Александр Невский почитался как святой, следует, безусловно, учитывать и этот функциональный аспект.

"Житие" Александра, первый документ в истории воспоминаний о нем, появился в 1280-е гг. в Рождественском монастыре во Владимире.¹⁴ Легенда о святом, повествующая также и о первом чуде на могиле князя, преподносит его в качестве святого владыки. Изображение Невского, которое должно было служить примером будущим правителям, являлось скорее идеальным образом христианского князя, а не историческим портретом Александра Ярославича.

Александр Невский поначалу выступал как классический местный святой, а сообщество, тогда причислявшее себя к поклонникам его культа, было относительно небольшим. Авторитет святого князя простирался на монастырскую общину, ухаживавшую за местом его погребения, и, более или менее — на Владимиро-Суздальское княжество. Однако применительно к концу XIII века можно говорить о большой

¹³ См.: K.C. Felmy. Die Heiligen der Russischen Orthodoxen Kirche und ihre Ikonen // Tausend Jahre orthodoxe Kirche in der Rus'. 988-1988. Russische Heilige in Ikonen / Hg. v. F. Ullrich. Recklinghausen, 1988. S.6-10, здесь S.7.

¹⁴ Повесть о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Олександра // Князь Александр Невский и его эпоха. С.190-195. Перевод на совр. русский язык: Там же. С.196-201. О "Житии" см. напр.: В. И. Охотникова. Повесть о житии Александра Невского // Д.С. Лихачев (ред.). Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. I. Ленинград, 1987. С. 354-363; Ю.К. Бегунов. К вопросу об изучении Жития Александра Невского; Werner Philipp. Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1973, Bd. 18. S.55-72 и Fairy von Lilienfeld. Das Bild des "heiligen Herrschers" in der ältesten Redaktion der Vita des Aleksandr Nevskij // H. Goltz (Hg.). Eikon und Logos. (Beiträge zur Erforschung byzantinischer Kulturtradition, Bd. 35). Halle, 1981. S.141-158.

конституирующей силе мифа Александра Невского для формирования идентичности в обоих сообществах (монастырь и княжество). В определенной степени в самой ранней редакции "Жития" отразился патриотизм жителей суздальской земли.

Со временем память о святом князе распространилась по каналам православной церкви далеко за пределы Владимиро-Суздальской земли. Житие Александра постоянно переписывалось, и во время переписки монахи получали возможность скорректировать память о святом сообразно собственным представлениям.¹⁵

Первый серьезный спор об удельной принадлежности Александра Невского можно датировать XV столетием, когда новгородское духовенство и представители церкви набирающего силу Великого княжества Московского пытались утвердить светлый образ святого в собственной истории. В то время как новгородцы превозносили заслуги Александра в деле защиты своего богатого торгового города,¹⁶ московские церковники всячески подчеркивали его роль как Великого князя всея Руси, основателя московской княжеской династии Даниловичей.¹⁷ Подоплека спора заключалась в претензиях обоих политических центров на наследие Киевской Руси и, соответственно, на политическую власть в русских землях.¹⁸ В этой борьбе Новгород вынужден был подчинить-

¹⁵ К вопросу о различных редакциях Жития см.: В.И. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакции и тексты. Памятники древнерусской письменности и искусства. CLXXX. СПб., 1913 и неопубликованная магистерская работа Alexandra Länge. Das Bild Aleksandr Nevskijs in den Redaktionen seiner Vita. Freie Universität Berlin, 1978.

¹⁶ Важнейший источник "новгородского" дискурса Александра Невского — Новгородская первая летопись старшего и младшего свода / Под ред. А. Н. Насонова. Москва, Ленинград, 1950. См. также: Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-ой летописей // Новгородский исторический сборник. 1959, Т. 9. С.229-238; он же. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur.

¹⁷ Эта "московская" интерпретация представлена уже в новгородской литературе XV в. См.: Ю. К. Бегунов. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts. S.88 и след. Бегунов указывает в этой связи на "приложение второе" первой Новгородской летописи и первую Софийскую хронику.

¹⁸ См.: Д.С. Лихачев. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV-XV веках // Исторический журнал. 1941, №.6. С.43-56 и Joel Raba. Evfimij II., Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov. Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1977. Vol. 25. S.161-173.

ся военной силе Москвы, которая с этого момента единолично распоряжалась культом Александра Невского.

IV.

Образ Александра Невского в так называемый “московский период” (XV — кон. XVII вв.) определялся двумя совершенно различными интерпретациями его личности. С одной стороны, это была сакральная интерпретация, которая целиком проистекала из культа Александра как местного святого Владимиро-Суздальской Руси. С той только разницей, что теперь культ имел более широкое распространение, т.к. Александр Невский был официально канонизирован в середине XVI в. московским митрополитом Макарием.¹⁹ С 1547 г. культ святого князя распространяется во всех русских православных церквях, а его икона становится неотъемлемой реликвией каждой общины, где 23 ноября проходила литургия в память Александра Невского.²⁰ Сакральная интерпретация, которую можно реконструировать по иконографическим изображениям святого князя, по различным редакциям его Жития и по праздничной литургии, представляла Александра Невского как покинувшего мирскую суету монаха и чудотворца.²¹ Заслуги Александра

¹⁹ См.: Георгий П. Федотов. Святые древней Руси. Изд. 3-е. Ростов-на-Дону, 1999. С.113; Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Москва, 1902 (Reprint Westmead 1969). С.65; А.С. Хорошев. Политическая история русской канонизации (XI-XVII вв.). Москва, 1986. С.170 и след.; Paul Bushkovitch. Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, 1992. P.81 и след.

²⁰ 23 ноября 1263 г. Александр Невский был погребен в Рождественском монастыре во Владимире.

²¹ К “сакральному” дискурсу московского периода следует отнести следующие тексты XVI столетия: редакция Жития из Четьи Миней: Слово похвальное благоверному князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, в немже и о чудесах его споведася // Мансикка. Житие Александра Невского. С.15-31; редакция Жития Василия Варлаамского: Житие и жизнь и повесть о храбрости и о чудесах, описано вкратце, святого великого князя Александра Ярославича Невского, нового чудотворца // Там же. С.33-48; редакция Жития Ионы Думина: Месяца ноября 23 день. Житие и подвиги благоверного великого князя Александра, иже Невский именуется, нового чудотворца, в немже и о чудесах его отчасти исповедание // Там же. Приложение. С.49-124. О кратком изложении Жития для богослужения см.: Рогов. Александр Невский. С.43 и след. По поздней сакральной иконографии Александра см.: Шляпкин. Иконография. См. также прорисы в справочниках по иконописцам допетровского времени: Ikonenmalerhandbuch der Familie Stroganov. München, 1965. S.105; Изображения Божьей Матери и святых в право-

Невского усматривались не в его светских делах, а в чудесах, которые происходили после смерти князя на месте его погребения во Владимире и перечень которых увеличивался от одной редакции Жития к другой.

Параллельно с сакральной интерпретацией личности Александра Невского в московский период существовала и еще одна, династическая, представляющая на страницах официальной московской историографии XVI в. (Никоновской хроники, Степенной книги и Лицевого свода).²² В данной интерпретации на первый план выставлялись княжеская ипостась Александра и его земная деятельность. Александр предстает здесь святым князем, которому отводится центральная историческая роль, прежде всего, как прародителя династии Даниловичей. Александр Ярославич Невский, отец Даниила Московского, занял свое прочное место в генеалогических преданиях Московского государства, которые венчала фигура царя Ивана IV. Как в сакральном, так и в династическом дискурсе о святом князе неотъемлемо присутствует отграничение “мы-группы” от “безбожных латинян”, как называются в этих текстах шведы и Тевтонский орден.

Лучше всего можно проиллюстрировать различие между сакральным и династическим вариантами культа Александра Невского, сравнивая соответствующие изображения в той и другой традиции. Иконографическому Александру-монаху противостоит святой князь в мантии первого московского царя на фресках династической усыпальницы Архангельского собора в московском Кремле (Илл. 1).

За этими двумя характерными для московского периода традициями подачи образа Александра Невского вполне мог скрываться спор между церковным и “государственным” лагерями об “истинной” картине собственного прошлого. Но так как кажущиеся противостоящими друг другу тексты происходят из одной и той же писцовой мастерской при дворе митрополита московского, данная интерпретация явно недостаточна. Другое объяснение следует из базового тезиса о том, что мифы являются средством коллективного самоописания, отражая реальный

славной церкви. Москва, 1996. С.68, 328.

²² См.: Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т.10. СПб., 1885 (репринт Москва, 1965). С.118-143; Житие и подвиги, вкпе же отчасти чудеса прехвального и блаженного князя Александра Ярославича, рекомаго Невского, нареченного во иноцех Алексия // ПСРЛ. Т.21. Книга степенная царского родословия. Ч.1. СПб., 1908. С.279-295; Житие Александра Невского. Текст и миниатюры лицевого летописного свода XVI в. Изд. 2-е. СПб., 1992.

или желаемый социальный и политический порядок, а также представления о нем.

Илл. 1 Святой благоверный князь Александр Ярославич Невский. Икона XVII в.

Илл. 2 Великий князь Александр Ярославич Невский. Фреска из Архангельского собора в Московском кремле, 1560-е гг. Нынешний вид XVII в.

И действительно, “государственная” доктрина великого княжества Московского, из которого впоследствии выросла Россия, включала в себя

политический и религиозный компоненты. Идея *русской земли* принадлежала к наследию Киевской Руси. В ней утверждалась принадлежность к русской земле всех князей с их подданными, которые, во-первых, исповедуют православную веру, а во-вторых, платят дань Рюриковичам.²³ Таким образом, ограничивающими критериями были православная вера и данническая зависимость от правящей династии. Оба аспекта мы находим в биполярном предании об Александре Невском московского периода. Облик князя и предка московских царей был составной частью политического аспекта, в то время как изображение Александра как монаха-чудотворца относилось больше к религиозно-сакральному аспекту коллективного автопортрета.

V.

Култ Александра Невского претерпел изменение к началу XVIII в. в ходе масштабных петровских преобразований. Совершенно иначе, чем в предшествующие столетия, когда изменения образа Александра Невского происходили медленно и отчасти анонимно, не ориентируясь на четко выраженные идеологические цели, Петр Первый сознательно вмешался в култ святого и сделал его инструментом своей политической деятельности. Сразу после победы над шведами в Северной войне первый российский император избирает Александра Невского святым покровителем Санкт-Петербурга и заступником всей империи. Скорее всего, именно победа Невского над шведами в 1240 г. дала Петру возможность использовать его имя. По указанию императора в 1723–24 гг. останки святого были перенесены из Владимира в новую столицу на Неве.²⁴ За этим последовали основание монастыря в честь городского патрона и перенос дня святого с 23 ноября на 30 августа — именно в этот день в 1721 г. был подписан мирный договор со шведами.²⁵ Одним из указов Петр Первый запретил изображение святого в монашеском облачении. С 1724 г. полагалось изображать Александра Невского только в княжеской мантии.²⁶

²³ См.: Markus Osterrieder. Von der Sakralgemeinschaft zur modernen Nation. Die Entstehung eines Nationalbewußtseins unter Russen, Ukrainern und Weißruthenen im Lichte der Thesen Benedict Andersons // Eva Schmidt-Hartmann (hg.). Formen des Nationalen Bewußtseins im Lichte zeitgenössischer Nationalismustheorien. München, 1994. S.197–232, здесь S.205.

²⁴ См. об этом: С. Г. Рункевич. Александр-Невская лавра. 1713–1913. Изд. 2-е. СПб., 1997. С.203 и след.

²⁵ Решение Священного Синода 2 сентября 1724 г. // ПСПР. Т.4. №1347. СПб., 1876. С.188. См. также: Philipp. Heiligkeit und Herrschaft. S.71.

²⁶ ПСПР. Т.4. №1318. СПб., 1876. С.148. См. также: Philipp. Heiligkeit und Herrschaft. S.71; Шляпкин. Иконография. С. 99.

Илл. 3 Святой Александр Невский.
Живопись В.К. Шебуева, 1819 г.

Символическая трансформация образа Александра преследовала целью включение его сакральной фигуры в новую знаковую систему, в центре которой находился институт императора.

С изображений XVIII в. на нас смотрит уже не набожный монах или великий князь в мантии московского царя, а властелин, полностью отвечающий идеалу императорского трона нового, западного типа.²⁷ Князь XIII в. облачен в регалии (мантия и корона) новой Российской империи. Некоторые портреты той поры рисуют его даже безбородым.

Трансформированный миф Александра Невского XVIII столетия отражал изменившуюся государственную доктрину и новый проект коллективной идентичности. С момента завоевания Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств ареал власти русских царей перерос изначальную «русскую землю». Растущая империя, которая отныне насчитывала среди своих подданных не только христиан, перестала восприниматься как обязательно русско-православное сакральное сообщество. Секуляризация государственной идеоло-

²⁷ См.: Richard S. Wortman. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995. P.42 и след.

гии, или развитие понятия государства, независимого от сакральной ипостаси, стала логическим следствием имперской экспансии России и произошла в начале XVIII в. при Петре Великом.²⁸ Быть “русским” означало отныне, прежде всего, принадлежность к государственному образованию Российской империи или же отношение подданных к всероссийскому императору.

В имперском дискурсе Александр Невский не являлся более знаком религиозного отграничения вовне, а получил функцию позитивного образца.²⁹ В качестве православного предка Петра он указывал на фигуру императора, воплощал абстракцию государства и репрезентировал новую столицу на Неве. В имперской “интерконфессиональной” государственной концепции XVIII в. синхронное отграничение вовне через православную веру, которое формировало самосознание Московской Руси, сменилось диахронным отграничением (вовнутрь) от “собственного” московского прошлого.

VI.

Новая имперская интерпретация личности Александра Невского в том виде, в каком она формировала его образ в столице на Неве, не смогла все же полностью вытеснить старое прочтение его фигуры. Это явствует, к примеру, из истории с переносом празднования дня святого. Начиная с 20-х гг. XVIII века Александр чествуется дважды в году: 23 ноября (традиционный праздничный день) и 30 августа (день переноса Петром Первым останков князя в Санкт-Петербург).

В целом, развитие мифа Александра Невского выглядит не как линейная производная изменявшихся образов, а скорее как разветвленный дискурс. Более ранние повествования не замещаются новыми, а дополняются ими. Можно наблюдать также и смешанные формы. В петровскую эпоху новой имперской интерпретации, связанной с династической, противостояла старая сакральная, которая предположительно продолжала доминировать в среде провинциального православного духовенства.

²⁸ См. напр.: Reinhard Wittram. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd.2. Göttingen, 1964. S.177.

²⁹ См.: Ю.К. Бегунов. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С.72-84. В этой связи стоит особо упомянуть учреждение в 1725 г. ордена Александра Невского. См. напр.: И.Г. Спасский. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Ленинград, 1963. Илл.33.

Говоря упрощенно и образно, сакральный и династический-имперский дискурсы Александра Невского можно свести к фигурам монаха и князя. В XIX в. возникла новая, третья интерпретация, в которой превозносились его военные заслуги и где Александр изображался как герой и воин. Этот образ Александра следует обозначить как “национальный”. Он возник в эмансипировавшейся от церковно-сакральной сферы секуляризированной исторической науке и исторической живописи конца XVIII - начала XIX вв. Труды историков В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и Н. Костомарова способствовали национализации фигуры Александра Невского³⁰ так же, как и работы живописцев В.М. Васнецова, М.В. Нестерова и скульптора М. Микешина.³¹ Александр эволюционировал в национальном дискурсе от русско-православного святого и великороссского князя к национальному русскому герою.

Отныне историков интересовали не чудеса, происходившие на его могиле, а его героические земные свершения и, прежде всего, его военные победы. Заслуга Александра усматривалась уже не в защите государства, а в спасении русской культуры и народности. Вновь, в отличие от текстов об Александре XVIII в., первостепенное значение стало уделяться отграничению вовне. Александр Невский предстает как символ противостояния, с одной стороны, агрессивному католическому Западу, а с другой – “нецивилизованным” монголам, которые пытались навязать России свою “варварскую” сущность. По мнению многих историков, заслуга Александра Невского должна была заключаться в том, что его сознательная и мудрая промонгольская политика охраняла русскую культуру (религию, язык и народность) от “азиатского засилья”.³²

³⁰ В.Н. Татищев. История Российская. Т.5. Москва, Ленинград, 1965. С.25-44; М.М. Щербатов. История российская от древнейших времен. // Сочинения. Т.3. СПб., 1902. Стб.17-114; Н.М. Карамзин. История Государства Российского. Т.IV. Москва, 1992. С.16-56; Н. Костомаров. Александр Невский // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд.1. Вып. 1. СПб., 1880. С.155-172.

³¹ См.: П. Ю. Климов. Св. А. Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX – начала XX вв. (Г. И. Семирадский, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров) // Александр Невский и история России. С.93-100; В.Г. Смирнов. Россия в бронзе. Памятник тысячелетия России и его герои. Новгород, 1993.

³² О “национализации” Александра Невского с конца XVIII и в XIX вв. мною написана отдельная статья, которая должна выйти в Лейпциге осенью 2001 г. в составе сборника “Nationalisierung der Religion und Sakralisierung der Nation in Ostmittel, Südost- und Osteuropa” под ред. Martin Schulze-Wessel в серии “Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa”.

Иконографический образ национального Александра Невского характеризуется, в первую очередь, двумя особенностями. Во-первых, подчеркивается его роль как полководца и воина, что явствует из изображений князя в доспехах и с мечом. Во-вторых, герой подвергся “фольклоризации”. В портретах героя, прежде всего там, где изображаются его одежда и борода, очевидны попытки подчеркнуть “русский” аспект его личности. Этот новый миф Александра Невского является частью процесса национализации коллективной идентичности, развернувшегося в России с конца XVIII в. (хотя и в более слабой форме, чем в Западной и Центральной Европе).³³

Явно под влиянием западноевропейской интеллектуальной традиции в России развивается концепция русской национальной идентичности, построенная на таких центральных понятиях как “язык”, “культура” и “история”. При этом национальная история не изобреталась заново, а по-новому интерпретировалась в соответствии с новыми ценностями.³⁴ Хотя это открытие национального происходило в оппозиции к (западно)европейским культурным образцам, оно, тем не менее, было призвано подчеркнуть равноправную позицию России в семье европейских народов. В своем азиатском дискурсе, строившемся на типичном для того времени противопоставлении образов цивилизации и варварства, Россия видела себя носителем европейской культуры.

³³ См. напр.: Hans Rogger. *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, Mass., 1960; он же. *Nationalism and the State: A Russian Dilemma // Comparative Studies in Society and History*. 1961/62, Vol. 4. P.253-264; Liah Greenfeld. *Nationalism. Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass., 1992. P.189-274; Il'ia Serman. *Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century // Roger Bartlett (ed.). Russia in the Age of the Enlightenment*. London, 1990. P.40-56; Dietrich Geyer. *Funktionen des russischen Nationalismus 1860-1885 // H. A. Winkler. Nationalismus*. Königstein, 1985. S.173-188; Geoffrey Hosking. *Russischer Nationalismus vor 1914 und heute: Die Spannung zwischen imperialem und nationalem Bewußtsein // A. Kappeler (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart*. Köln, 1990. S.169-183; Andreas Kappeler. *Some Remarks on Russian National Identities (Sixteenth to Nineteenth Centuries) // Ethnic Studies*. 1993, Vol. 10. S.147-155.

³⁴ См. напр.: David B. Saunders. *Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review*. 1982, Vol. 60. №1. P.44-62; Edward C. Thaden. *The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // American Slavic and East European Review*. 1954, Vol. 13. P.500-521.

Проводником новых веяний было дворянское общество, эмансипировавшееся от церкви и государства. Дворянская интерпретация истории России и создаваемый в ее

рамках национальный проект коллективной идентичности были только до определенной степени совместимы с имперской действительностью. Несмотря на предпринимаемые с 1830-х гг. запоздалые попытки расширить имперскую доктрину в стране за счет национальных компонентов, царское правительство оставалось вплоть до 1917 г. скептически настроенным в отношении национальных идей. В идее современной нации царизм усматривал двойную угрозу, т.к. она оказывалась в конфликте с политической системой автократии и с реальностями полиэтнической империи. Иными словами, Александру Невскому в обличи российского императора угрожал Невский — фольклорный русский витязь.

Таким образом, национальное прочтение фигуры Александра Невского, сформировавшееся в XIX в., не смогло вытеснить предшествовавшие ему церковно-сакральное и династическо-имперское прочтения. Александр Невский оставался ключевым символом для русской православной церкви и имперского государства. Три идеальных типа Нев-

Илл. 4 Святой Александр Невский. Набросок иконы В. М. Васнецова для Владимирского собора в Киеве, 1884/85 гг.

ского (монах, князь и военный герой) не слились воедино, равно как и три различных концепции коллективной идентичности, которые, несмотря на наметившиеся в XIX веке возможности для взаимного компромисса, так и остались существовать параллельно друг другу: сакральное сообщество, империя и современная нация.³⁵

VII.

В качестве идентификационной фигуры Александр Невский не мог служить большевикам ни как святой, ни как князь, ни как великорусский национальный герой. Период между 1917 и серединой 1930-х гг. стал единственной фазой в долгой истории его рецепции, когда Александр Невский был превращен в антигероя и ошельмован антирелигиозной пропагандой новой власти как объект православного религиозного культа. В мае 1922 г. Петроградский Совет потребовал вскрытия ларца со святыми мощами Александра в Троицком соборе и представил в прессе результаты этой акции как разоблачение векового обмана рабочего класса.³⁶ Историки школы Покровского или полностью игнорировали князя, святого и национального героя, или остро критиковали его политику по отношению к Новгородской вечевой республике. В первом издании Большой советской энциклопедии в 1926 г. Александр был заклеен как приспешник новгородского торгового капитала.³⁷ Единственное известное мне изображение Александра Невского тех лет было опубликовано в журнале "Безбожник". Карикатура показывала Александра в толпе христианских святых, которые все сплошь воплощают образ классового врага — царей, бояр и римского папы(!).

Только Сталин, чья идеология советского патриотизма с 1934 г. определяла официальную историографию, реабилитировал героя далекого XIII столетия.³⁸ С 1936/37 гг. начали официально превоз-

³⁵ О проблеме трех видов русской идентичности с XVI по XIX вв. см.: A. Kappeler. Some Remarks on Russian National Identities.

³⁶ См.: М.В. Шкаровский. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917-1945. СПб., 1995. С.61.

³⁷ БСЭ. Т.2. 1926. Стб.167 и след.

³⁸ Из работ по советскому патриотизму см. напр.: Erwin Oberländer. Sowjetpatriotismus und Geschichte. Dokumentation. Köln, 1967; David L. Brandenberger, A.M. Dubrovsky. 'The People Need a Tsar': The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931-1941 // Europe-Asia Studies. 1998, Vol. 50. No. 5. P.873-892.

Илл. 5 Антирелигиозная карикатура из журнала "Безбожник", 20-е гг. Александр Невский в предпоследнем ряду.

носить значение победы Александра Невского над рыцарями Тевтонского Ордена в сражении на льду Чудского озера, что являлось частью воспитания настоящего советского патриота.³⁹ Реабилитацию Александра Невского, как часть масштабного переосмысления дореволюционной российской истории, необходимо рассматривать в рамках бинарного процесса: перехода власти в Германии к национал-социалистам и параллельной разработки антифашистской пропаганды в Советском Союзе. Антинемецкое настроение, которое можно найти уже в публикациях Первой мировой войны, в советском патриотическом дискурсе Александра Невского оказалось важнейшим содержательным пунктом биографии князя и полководца. Суть истории, начинавшейся с походов рыцарей Тевтонского ордена на Новгород и заканчивавшейся возникновением национал-социалистической угрозы Советскому Союзу, сводилась к лозунгу вечного немецкого "Drang nach Osten".

Эта доктрина легла в основу художественного фильма Сергея Эйзенштейна "Александр Невский" (1938 г.), повлиявшего на формирование советского образа национального героя сильнее, чем все истори-

³⁹ А. И. Козаченко. Замечательный исторический урок ("Ледовое побоище" и Невская битва) // Исторический журнал. 1937, Т. 7. № 3-4. С.156-164.

ческие романы или пропагандистскиелистовки вместе взятые.⁴⁰ В работе Эйзенштейна, заслуживающей отдельной монографии, рыцари и солдаты-наемники Тевтонского ордена однозначно изображаются как предшественники национал-социалистов и вермахта. Лента исчезла в советских архивах тотчас же после подписания пакта Риббентропа-Молотова, но после нападения немцев на Советский Союз в 1941 г. использовалась на фронте и в тылу как один из самых успешных пропагандистских фильмов.

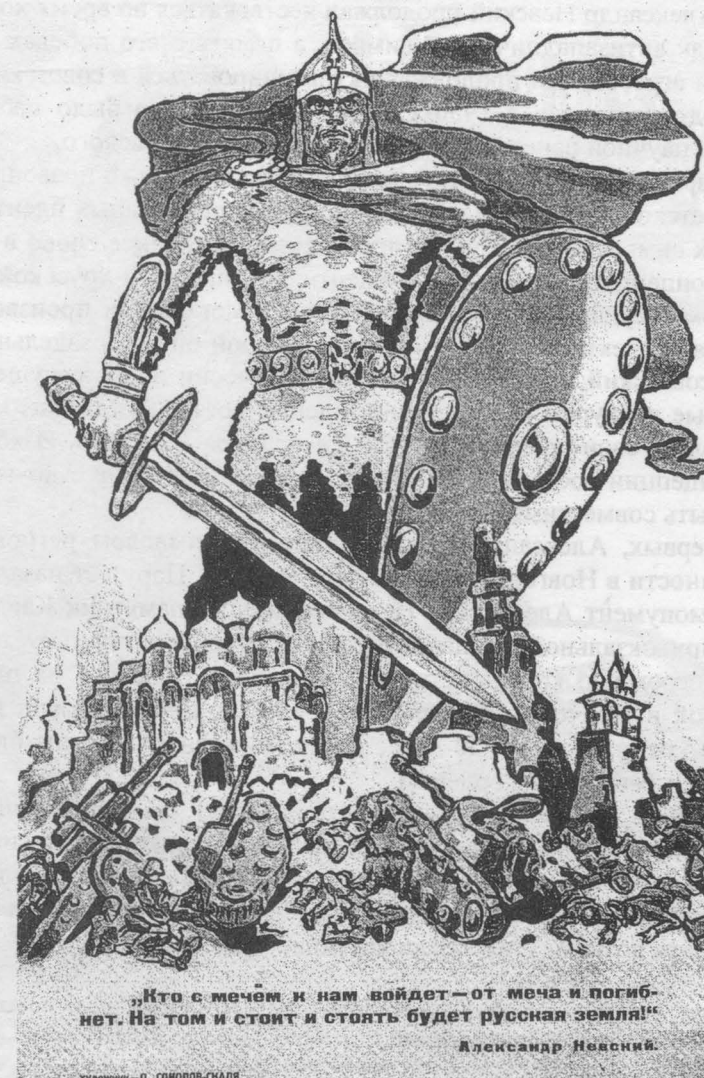
Во время Великой Отечественной войны Александр Невский превратился в одну из важнейших исторических фигур и образов советской пропаганды. Ни в одну из фаз многовековой рецепции личности князя не выпускалось такого количества текстов о нем, как в период с 1941 по 1945 гг. За это время вышло по меньшей мере 22 самостоятельных публикации (как правило - брошюры небольшого формата) о Ледовом побоище или о славном полководце Александре Невском.⁴¹ Содержавшаяся в них идея была проста и доходчива: так же, как Александр Невский в 1242 г. победил рыцарей Тевтонского ордена, мы должны разгромить гитлеровский вермахт сейчас.

Наряду с антинемецким моментом, в интерпретации личности Александра Невского в идеологии советского патриотизма заметна ее полная десакрализация и превознесение роли военного героя, стратега и вождя. В качестве антизападного военного символа образ полководца и героя был совместим с проектом коллективной идентичности советского народа, с идеей нации как сражающегося сообщества и укладывался без каких-либо препятствий в рамки культа личности Сталина.

⁴⁰ См. сценарий к фильму Александр Невский: Сергей Эйзенштейн. Избранные произведения в 6 тт. Т.6. Москва, 1971. С.155-196. О фильме напр.: Richard Taylor. Film Propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. New York, 1998 (rev. ed.), в особенности Р.85-98; James Goodwin. Eisenstein, Cinema, and History, Urbana. Chicago, 1993, в особенности Р.156-178.

⁴¹ См. напр.: В.В. Данилевский. Александр Невский. Изд. 3-е. Москва, 1944 (Великие борцы за русскую землю); В.В. Мавродин. Ледовое побоище. Ленинград, 1941; Н. Наумов. Александр Невский 1219-1263. Москва, 1943 (Искусство воевать); А. Новиков. В 1242 году. Москва, 1942; В. И. Пичета. Александр Невский. Изд. 2-е. Ташкент, 1942; Н. Е. Подорожный. Александр Невский. Москва, 1941 (Библиотека красноармейца).

ОКНО
ТАСС №904
ОСВОБОДИМ ЗЕМЛИ НОВГОРОДСКИЕ
ОТ ВРАГА!

Илл. 6 Окно ТАСС, 1944 г.

VIII.

Смерть Сталина в 1953 г. не принесла в историю рецепции личности Александра Невского каких-либо заметных изменений. Образцы официального культа Александра Невского остались практически неизменными в идеологии советского патриотизма вплоть до развала СССР. Александр Невский продолжал чествоваться во время холодной войны как антизападный символ, а память о его победах над западными агрессорами продолжала культивироваться в советских школах.⁴² Одновременно, с 1950-х гг., в России можно было наблюдать развитие научной рецепции дискурса Александра Невского.

В современной России, которая считается не только правопреемницей Советского Союза, но и наследницей его позитивных идентификационных символов, все еще не произнесено последнее слово в поиске новой концепции коллективной идентичности, новой «русской идеи». При этом государство отказалось от своей монополии производителя проектов коллективной идентичности, которой оно безраздельно обладало в советский период. В сегодняшней России вновь сосуществуют различные дискурсы коллективной идентичности, каждый из которых предъявляет свои права на фигуру Александра Невского. И хотя данные концепции состоят в частичной конкуренции друг с другом, они могут быть совместимыми.

Во-первых, Александр Невский является символом региональной идентичности в Новгороде и Санкт-Петербурге. Пару лет назад в Новгороде монумент Александра Невского сменил памятник Карлу Марксу на привокзальной площади. В Санкт-Петербурге планируется установить огромную конную статую Александра Невского на площади, названной в его честь. Кроме того, в 1990 и 1992 гг. город на Неве помпезно отпраздновал 750-летие побед Александра в обеих битвах со шведами и Тевтонским орденом.⁴³

Во-вторых, Александр Невский стал снова символом национально-религиозной идентичности. Православная церковь чтит память о святом, а Александро-Невская лавра в Санкт-Петербурге принадлежит, как и прежде, к важнейшим духовным центрам страны. Культ святого Александра возрождается среди верующего населения.

⁴² Предположительно самый важный текст, конструирующий дискурс Александра Невского после 1953 г. принадлежит В.Т. Пашуто. Александр Невский. Изд. 2-е. Москва, 1975. (серия Жизнь замечательных людей).

⁴³ О. Никонова. Святой на бронзовом коне // Невское время. 1997, 17 июля. С.2.

В-третьих, государственная власть продолжает использовать культ Александра Невского. Лучшее тому свидетельство — упомянутый в начале статьи подарок Бориса Ельцина музею Великой отечественной войны в Москве.

Илл. 7 Рекламный плакат, Санкт-Петербург 1999 г.

Можно предположить, что память об Александре Невском не исчезнет и в постсоветской России. Различные интерпретации этой исторической фигуры, которые сосуществуют сегодня друг с другом, сигнализируют об открытости процесса развития национальной идентичности в современной России.

Наряду с перечисленными выше попытками освоения образа Александра Невского можно наблюдать тенденции внеполитического, игрового или, если хотите, постмодернистского обращения с традиционными историческими образами. Так, один петербургский завод алкогольных напитков выпустил несколько лет назад водку "Александр Невский". А на рекламных плакатах петербургского метро можно увидеть средневекового витязя, который борется уже не с тевтонскими рыцарями, а с импортным маргарином за конкурентоспособность отечественных продуктов питания (Илл. 7). Лозунг этой рекламы – победный клич "Наша взяла!" – цитата из известного фильма Сергея Эйзенштейна "Александр Невский".

SUMMARY

Memories of Alexander Nevsky did not cease ever since the time of his death. However, the image of this legendary figure had undergone significant changes in the cultural memory of the Russians from its reception. Initially a classic saint of local significance, officially canonized by the Orthodox Church in the 16th century, Alexander Nevsky became the Saint-protector of the whole empire. Removed from the first lines of the history textbooks in the 19th century and inquisitened by the Bolsheviks in the 1920s, Alexander Nevsky was rehabilitated by the Soviet Party leadership in the mid-1930s as a soldier and strategist.

Alexander Nevsky is one of Russia's central national myths. Not only the perceptions of the "own" history get reflected in the ever changing narrative of the Novgorodian Prince. The separate steps in the development in the formation of the political myth that are reflected in the texts and pictures of the reception history of Alexander Nevsky can be interpreted as indicators of breaks in the development of collective identity in Russian history. Three profiles of the figure of Nevsky – that of a warrior, a monk, a prince – formed until the end of the 19th century are understood as indicators of the three different abstract projects of the Russian collective identity: sacral, dynastic and imperial, and national.

Андрей СКОРОБОГАТОВ

СЕМИОТИКА ВЛАСТИ ПАВЛА I *

Павел I, царствовавший на рубеже XVIII и XIX вв., является наиболее противоречивой и символически перегруженной фигурой среди российских императоров.¹ Особенности формирования его мировоззрения, его увлеченность внешними проявлениями власти (развившаяся после посещения Парижа в 1782 г.)² придали в годы его правления особое значение символическому выражению и оформлению императорской власти во всех ее проявлениях. Человек XVIII в., по словам, Ю. М. Лотмана, выбирал себе – подобно театральному амплуа – некоторому инварианту типичных ролей, –

* Постановка проблемы семиотики власти в российской традиции связана с деятельностью Московско-Тартуской семиотической школы, доказавшей не только принципиальную возможность, но и необходимость специального изучения любых символических и идеологических конструктов. В западной славистике наиболее плодотворно применяет семиотическую методологию Ричард Уортман, занимающийся символами и церемониалом Российской империи в целом и отдельных российских самодержцев в частности. См. напр.: Richard Wortman. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vols. 1, 2. Princeton, N.J., 1995-2000. О восприятии русской семиотической школы западными историками см. R. Wortman. Review on S. Iu. Nekliudov (Ed.). *Moskovsko-tartuskaia semioticheskaia shkola. Istoria, vospominania, razmyshlenia* // *Kritika*. 2000, № 1. Pp. 821-831.

¹ Особенно ярко эта противоречивость проявилась в оценке жизни и деятельности императора его современниками и последующими историками (См.: Скоробогатов А.В. Павел I в российской исторической литературе. Казань, 1999).

² См.: Куракин А.Б. Записки, ежедневные, пребывания их императорских высочеств в Париже в 1782 г. ОРРК НБЛ. Ед.хр.4445.